

The background of the cover is a painting of a man in a dark, heavy coat standing on a rocky cliff, looking out over a vast, misty landscape. The sky is filled with soft, golden light, suggesting a sunrise or sunset. In the distance, there are dark, jagged rock formations rising from a sea of white mist or clouds. The overall mood is contemplative and dramatic.

Фридрих
НИЦШЕ

СУМЕРКИ ИДОЛОВ
ЕССЕ НОМО

Фридрих Ницше

**Сумерки идолов.
Ессе Ното (сборник)**

«Издательство АСТ»

2007

Ницше Ф. В.

Сумерки идолов. Ессе Номо (сборник) / Ф. В. Ницше —
«Издательство АСТ», 2007

Фридрих Ницше – имя, в литературе и философии безусловно яркое и – столь же безусловно – спорное. Потому ли, что прежде всего неясно, к чему – к литературе или философии вообще – относится творческое наследие этого человека? Потому ли, что в общем-то до сих пор не вполне ясно, принадлежат ли работы Ницше перу гения, безумца – или ГЕНИАЛЬНОГО БЕЗУМЦА? Ясно одно – мысль Ницше, парадоксальная, резкая, своенравная, по-прежнему способна вызывать восторг – или острое раздражение. А это значит, что СТАРЕНИЮ ОНА НЕПОДВЛАСТНА...

© Ницше Ф. В., 2007

© Издательство АСТ, 2007

Содержание

Сумерки идолов, или Как философствуют молотом	6
Предисловие	6
Изречения и стрелы	7
1	7
2	7
3	7
4	7
5	7
6	7
7	7
8	7
9	7
10	8
11	8
12	8
13	8
14	8
15	8
16	8
17	8
18	8
19	9
20	9
21	9
22	9
23	9
24	9
25	9
26	9
27	10
28	10
29	10
30	10
31	10
32	10
33	10
34	10
35	11
36	11
37	11
38	11
39	11
40	11
41	11
42	11
43	11

44	12
Проблема Сократа	13
1	13
2	13
3	13
4	14
5	14
6	14
7	14
8	15
9	15
10	15
11	16
12	16
«Разум» в философии	17
1	17
2	17
3	17
4	18
5	18
6	19
Как «Истинный мир» наконец стал басней история одного заблуждения	20
Мораль как противоестественность	21
1	21
2	21
3	22
4	22
5	23
6	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ницше Фридрих

Сумерки идолов. Ессе Номо

Сумерки идолов, или Как философствуют молотом

Предисловие

Сохранять веселость в мрачном и чрезмерно ответственном деле не малый фокус; а что же тут нужнее веселости? Ни одна вещь не удастся, если в ней не принимает участия задор. Излишек силы только и есть доказательство силы. – *Переоценка всех ценностей*, этот вопросительный знак, столь черный, столь чудовищный, что он бросает тень на того, кто его ставит, – такая роковая задача вынуждает каждое мгновение выбегать на солнце стряхивать с себя ставшую тяжелой, слишком тяжелой серьезность. Тут хорошо всякое средство, тут всякий «случай» – счастливый случай. Прежде всего *война*. Война была всегда великим благоразумием слишком ушедших в себя, ставших слишком глубокими умов; даже полученная рана заключает в себе целебную силу. Изречение, происхождение которого я утаю от ученого любопытства, было издавна моей любимой поговоркой:

*increscunt animi, virescit volnere virtus*¹.

Другое выздоравливание, при случае более желательное для меня, есть *выслеживание идолов*... В мире больше идолов, чем реальностей: это *мой* «злой взгляд» на этот мир, это также мое «злое ухо»... Тут задавать вопросы *молотом* и, быть может, услышать в ответ тот знаменитый глухой тон, который говорит о вспученных внутренностях, – какой это восторг для человека, имеющего за ушами еще уши, – для меня, старого психолога и крысолова, перед которым *должно звучать* то именно, что хотело бы пребывать в безмолвии...

Также и настоящее сочинение – заглавие выдает это – есть прежде всего отдых, солнечное пятно, прыжок в сторону, в праздность психолога. Быть может, также новая война? И будут выслежены новые идола?.. Это маленькое сочинение есть *великое объявление войны*; что же касается выслеживания идолов, то на сей раз это не временные, а *вечные* идола, к которым я здесь прикасаюсь молотом, как камертоном, – не существует вообще более старых, более уверенных, более надутых идолов... А также более пустых... Это не препятствует тому, что в них *больше всего верят*; да и говорят, особенно в важнейшем случае, отнюдь не идола...

Фридрих Ницше

Турин, 30 сентября 1888,

в день, когда была окончена первая книга «Переоценки всех ценностей»

¹ души крепнут, доблесть расцветает от раны (*лат.*). Изречение Марка Фурия Бибакула, цитируемое Авлом Геллием (18, 11,4).

Изречения и стрелы

1

Праздность есть мать всей психологии. Как? разве психология – порок?

2

И самый мужественный из нас лишь редко обладает мужеством на то, что он, собственно, *знает...*

3

Чтобы жить в одиночестве, надо быть животным или богом, говорит Аристотель². Не хватает третьего случая: надо быть и тем и другим – *философом*.

4

«Всякая истина однозначна»³. – Не двузачно ли это ложь? —

5

Я хочу раз навсегда *не* знать многого. – Мудрость полагает границы также и познанию.

6

В своем диком естестве отдыхаешь лучше всего от своей неестественности, от своей духовности...

7

Как? разве человек только промах Бога? Или Бог только промах человека? —

8

Из военной школы жизни. – Что не убивает меня, то делает меня сильнее.

9

Помогай себе сам: тогда поможет тебе и каждый. Принцип любви к ближнему.

² Ср.: Аристотель. Политика 1253а 29.

³ У Полилова: «"Всякая истина проста". – Не вдвойне ли это ложь?» Я вынужден был заменить «проста» на «однозначна», чтобы сохранить игру слов: «"Alle Wahrheit ist einfach". – Ist das nicht zwiefach eine Lüge?»

10

Не надо проявлять трусости по отношению к своим поступкам! не надо вслед за тем бежать от них! – Угрызения совести неприличны.

11

Может ли *осел* быть трагичным? – Что гибнешь под тяжестью, которой не можешь ни нести, ни сбросить?.. Случай философа.

12

Если имеешь свое *почему!* жизни, то миришься почти со всяким как? – Человек стремится не к счастью; только англичанин делает это.

13

Мужчина создал женщину – но из чего? Из ребра ее бога – ее «идеала»...

14

Что? ты ищешь? ты хотел бы удесятить себя, увеличить во сто раз? ты ищешь приверженцев? – Ищи *нулей!* —

15

Посмертных людей – меня, например, – хуже понимают, чем современных, но лучше *слушают*. Говоря точнее: нас никогда не поймут – и *отсюда* наш авторитет...

16

Среди женщин. – «Истина? О, вы не знаете истины! Разве она не покушение на все наши *pudeurs*⁴?»

17

Вот художник, каких я люблю, скромный в своих потребностях: он хочет собственно только двух вещей, своего хлеба и своего искусства, – *panem et Circen*⁵...

18

Кто не умеет влагать в вещи своей воли, тот по крайней мере все же влагает в них *смысл*: т. е. он полагает, что в них уже есть воля (Принцип «веры»).

⁴ стыдливости (*фр.*).

⁵ хлеба и Цирцеи (*лат.*). Ницше обыгрывает выражение Ювенала (Sat. 10, 81) «panem et circenses» (хлеба и зрелищ).

19

Как? вы выбрали добродетель и возвышенные чувства, а вместе с тем коситесь на барыши людей бесцеремонных? – Но, выбрав добродетель, *отказываются* этим от «барышей»... (на входную дверь антисемиту).

20

Совершенная женщина занимается литературой так же, как совершает маленький грех: для опыта, мимоходом, оглядываясь, замечает ли это кто-нибудь, и *чтобы* это кто-нибудь заметил...

21

Становиться исключительно в такие положения, когда нельзя иметь кажущихся добродетелей, когда, напротив, как канатный плясун на своем канате, либо падаешь, либо стоишь – либо благополучно отделяешься...

22

«У злых людей нет песен». – Отчего же у русских есть песни?⁶

23

«Немецкий ум»: уже восемнадцать лет *contradictio in adjecto*⁷.

24

Ища начал, делаешься раком. Историк смотрит вспять; в конце концов он и *верит* тоже вспять.

25

Довольство предохраняет даже от простуды. Разве когда-нибудь простудилась женщина, умевшая хорошо одеться? – Предполагаю случай, что она была едва одета.

26

Я не доверяю всем систематикам и сторонюсь их. Воля к системе есть недостаток честности.

⁶ Из стихотворения И. Г. Зеймс «Die Gesänge». Сюда, должно быть, относится следующий отрывок из наследия: «Русская музыка с трогательной простотой обнаруживает душу мужика (моцјік), простонародья. Ничто не говорит так к сердцу, как их светлые мелодии, которые все без исключения печальны. Я обменял бы счастье всего Запада на русский лад быть печальным. – Но каким образом получается, что господствующие классы России не представлены в ее музыке? Достаточно ли сказать, что «у злых людей нет песен?»» (Unveröffentlichtes aus der Umwertungszeit 1882/83–1888. Bd 14. S. 141–142).

⁷ То есть с 1871 г. – года образования Империи.

27

Женщину считают глубокой – почему? потому что у нее никогда не достанешь дна. Женщина даже и не мелка⁸.

28

Если женщина имеет мужские добродетели, то от нее нужно бежать; если же она не имеет мужских добродетелей, то бежит сама.

29

«Как много приходилось некогда кусать совести! Какие хорошие зубы были у нее! – А нынче? чего не хватает?» – Вопрос зубного врача.

30

Люди редко совершают одну неосмотрительность. В первой неосмотрительности всегда делают слишком много. Именно поэтому совершают обыкновенно еще вторую – и на этот раз делают слишком мало...

31

Червяк, на которого наступили, начинает извиваться. Это благоразумно. Он уменьшает этим вероятность, что на него наступят снова. На языке морали: *смирение*. —

32

Есть ненависть ко лжи и притворству, вытекающая из чувствительности в вопросах чести; есть такая же ненависть, вытекающая из трусости, поскольку ложь *запрещена* божественной заповедью. Слишком труслив, чтобы лгать...

33

Как мало нужно для счастья! Звук волынки. – Без музыки жизнь была бы заблуждением. Немец представляет себе даже Бога распеваящим песни⁹.

34

On ne peut penser et écrire qu'assis¹⁰ (Г.Флобер). – Вот я и поймал тебя, нигилист! Усидчивость есть как раз *грех* против духа святого. Только *выложенные* мысли имеют ценность.

⁸ Ср. со следующим высказыванием П. Гаварни из «Дневников» Гонкуров: «Мы спрашиваем его, случилось ли ему когда-либо понять женщину? – Женщина, но это сама непроницаемость, – не оттого, что она глубока, а оттого», что она пуста» (см.: Journal des Goncourts. Т. 1. Р. 325).

⁹ Намек на строку из стихотворения Э. М. Арндта «Des Deutschen Vaterland»: «Und Gott im Himmel Lieder singt» (И Бог на небеси поет).

¹⁰ Думать и писать можно только сидя (*фр.*). Эти слова Флобера приводит Мопассан в предисловии к кн.: Lettres de Gustave Flaubert a George Sand. Paris, 1884. Р. III.

35

Бывают случаи, когда мы уподобляемся лошадям, мы, психологи, и впадаем в беспокойство: мы видим перед собой нашу собственную колеблющуюся тень. Психолог должен не обращать на *себя* внимания, чтобы вообще видеть.

36

Наносим ли мы, имморалисты, *вред* добродетели? – Так же мало, как анархисты царям. Только с тех пор, как их начали подстреливать, они вновь прочно сидят на своем троне. Мораль: *нужно подстреливать мораль*.

37

Ты бежишь *вперед*? – Делаешь ты это как пастух? или как исключение? Третьим случаем был бы беглец... *Первый* вопрос совести.

38

Настоящий ли ты? или только актер? Заместитель или само замещенное? – В конце концов ты, может быть, просто поддельный актер... *Второй* вопрос совести.

39

Разочарованный говорит. – Я искал великих людей, а находил всегда лишь *обезьян* их идеала.

40

Из тех ли ты, кто смотрит как зритель? или кто участвует? – или кто не обращает внимания, идет стороной?.. *Третий* вопрос совести.

41

Хочешь ты сопутствовать? или предшествовать? или идти сам по себе?.. Надо знать, *чего* хочешь и хочешь ли. *Четвертый* вопрос совести.

42

Это были ступени для меня, я поднялся выше их, – для этого я должен был пройти по ним. Они же думали, что я хотел сесть на них для отдыха...

43

Что в том, что я остаюсь правым! Я слишком прав. – А кто нынче смеется лучше всего, тот будет также смеяться и последним.

44

Формула моего счастья: Да, Нет, прямая линия, *цель...*

Проблема Сократа

1

О жизни мудрейшие люди всех времен судили одинаково: *она не стоит ничего...* Всегда и всюду из уст их слышали одну и ту же речь – речь, полную сомнения, полную тоски, полную усталости от жизни, полную сопротивления жизни. Даже Сократ сказал, умирая: «Жить – это значит быть долго больным: я должен исцелителю Асклепию петуха»¹¹. Даже Сократу она надоела. – Что *доказывает* это? На что *указывает* это? – В прежнее время сказали бы (– о, это говорили, и довольно громко, и прежде всех наши пессимисты!): «Здесь во всяком случае что-нибудь должно быть истинным! Consensus sapientium доказывает истину». – Будем ли мы и нынче так говорить? *смеем* ли мы это? «Здесь во всяком случае что-нибудь должно быть *больным*», – ответим *мы*: эти мудрейшие всех времен, надо бы сперва посмотреть на них вблизи! Быть может, все они были уже нетвердыми на ногах? старыми? шатающимися? *décadents*? Не появляется ли, быть может, мудрость на земле, как ворон, которого вдохновляет малейший запах падали?..

2

Мне самому эта непочтительность, что великие мудрецы суть *типы упадка*, пришла в голову при рассмотрении того случая, где ей сильнее всего противоборствует ученый и неученый предрассудок: я опознал Сократа и Платона как симптомы гибели, как орудия греческого разложения, как псевдогреков, как антигреков («Рождение трагедии», 1872). Упомянутый выше consensus sapientium – я понимал это все более и более – менее всего доказывает, что они были правы в том, в чем гармонировали: он доказывает скорее, что сами они, эти мудрейшие, кое в чем гармонировали *физиологически*, чтобы относиться в равной мере отрицательно к жизни, – чтобы быть *вынужденными* так относиться к ней. Суждения о ценности жизни, «за» или «против», в конце концов никогда не могут быть истинными: они имеют ценность лишь как симптомы, они принимаются в соображение лишь как симптомы, – сами по себе такие суждения являются глупостями. Надо непременно протянуть к ним свои пальцы и попытаться ухватить ту изумительную *finesse*, что *ценность жизни не может быть установлена*. Живым – нет, потому что таковой является стороною, даже объектом спора, а не судьей. Мертвым – нет, по другой причине. – Со стороны философа видеть проблему в *ценности* жизни является таким образом даже возражением против него, вопросительным знаком около его мудрости, неразумием. – Как? а все эти великие мудрецы – разве они были не только *décadents*, разве они даже не были мудрыми? – Но я возвращаюсь к проблеме Сократа.

3

Сократ по своему происхождению принадлежал к низшим слоям народа: Сократ был черню. Нам известно, мы даже видим это, как безобразен был он. Но безобразие, являющееся само по себе возражением, служит у греков почти опровержением. Был ли Сократ вообще греком? Безобразие является довольно часто выражением скрещенного, *заторможенного* скрещением развития. В другом случае оно является *нисходящим* развитием. Антропологи среди криминалистов говорят нам, что типичный преступник безобразен: monstrum in

¹¹ Платон. Федон 118а.

fronte, monstrum in animo¹². Но преступник есть *décadent*. Был ли Сократ типичным преступником? – По крайней мере этому не противоречит то знаменитое суждение физиономиста, которое казалось таким обидным друзьям Сократа. Один иностранец, умевший разбираться в лицах, проходя через Афины, сказал в лицо Сократу, что он *monstrum*, – что он таит в себе все дурные пороки и похоти. И Сократ ответил только: «Вы знаете меня, милостивый государь!»¹³

4

На *décadence* указывает у Сократа не только признанная разнузданность и анархия в инстинктах; на это указывает также суперфётация логического и характеризующая его *злоба рахитика*. Не забудем и о тех галлюцинациях слуха, которые были истолкованы на религиозный лад, как «демония Сократа». Все в нем преувеличено, *buffo*, карикатура, все вместе с тем отличается скрытностью, задней мыслью, подземностью. – Я пытаюсь постичь, из какой идиосинкразии проистекает сократическое уравнение: разум = добродетели = счастью – это причудливейшее из всех существующих уравнений, которому в особенности противоречат все инстинкты более древних эллинов.

5

С появлением Сократа греческий вкус изменяется в благоприятную для диалектики сторону; что же происходит тут в сущности? Прежде всего этим побеждается *аристократический* вкус; чернь всплывает наверх с диалектикой. До Сократа в хорошем обществе чурались диалектических манер: они считались дурными манерами, они компрометировали. От них предостерегали юношество. Также не доверяли всякому такому предъявлению своих доводов. Благопристойные вещи, как и благопристойные люди, не носят своих доводов так прямо в руках. Неприлично показывать все пять пальцев. Что сперва требует доказательства, то имеет мало ценности. Всюду, где авторитет относится еще к числу хороших обычаев, где не «обосновывают», а повелевают, диалектик является чем-то вроде шута: над ним смеются, к нему не относятся серьезно. – Сократ был шутком, *возбуждившим серьезное отношение* к себе: что же случилось тут, собственно? —

6

Диалектику выбирают лишь тогда, когда нет никакого другого средства. Известно, что ею возбуждаешь недоверие, что она мало убеждает. Ничто так легко не изглаживается, как эффект диалектика: опыт каждого собрания, где говорят речи, доказывает это. Она может быть лишь *необходимой самообороной* в руках людей, не имеющих уже никакого иного оружия. Надо *вынуждать* признание своего права: до этого ее ни во что нельзя употребить. Евреи были поэтому диалектиками; Рейнеке-Лис был им; как? и Сократ был им также? —

7

– Есть ли ирония Сократа проявление бунта? *ressentiment* черни? наслаждался ли он, как угнетенный, своей собственной кровожадностью в ударах ножа силлогизма? *мстит* ли он знатным, которых очаровывает? В качестве диалектика имеешь в руках беспощадное орудие;

¹² чудовище по виду, чудовище в душе (*лат.*).

¹³ Анекдот, рассказанный Цицероном (*Cicero. Tusc. IV 37, 80*).

с ним можно стать тираном; побеждая, компрометируешь. Диалектик предоставляет своему противнику доказывать, что он не идиот: он приводит в бешенство, он вместе с тем делает беспомощным. Диалектик *депотенцирует* интеллект своего противника. – Как? разве диалектика является только формой *мести* у Сократа?

8

Я дал понять, чем мог отталкивать Сократ; тем более надо объяснить то обстоятельство, что он очаровывал. – Что он открыл нового вида *agon*¹⁴, что он был первым учителем фехтования в этой области для знатных афинских кругов, – это раз. Он очаровывал, затрагивая атональный инстинкт эллинов, – он внес вариант в ристалищную борьбу между молодыми мужчинами и юношами. Сократ был также великим *эротиком*.

9

Но Сократ отгадал еще больше. Он видел кое-что за *спиной* своих знатных афинян; он понимал, что *его* случай, его идиосинкрзия уже не была исключительным случаем. Такое же вырождение подготавливалось всюду в тиши: старым Афинам приходил конец. – И Сократ понимал, что все *нуждаются* в нем – в его средстве, в его врачевании, в его личной сноровке самосохранения... Повсюду инстинкты находились в анархии; повсюду были в пяти шагах от эксцесса: *monstrum in animo* было всеобщей опасностью. «Инстинкты хотят стать тираном; нужно изобрести *противотирана*, который был бы сильнее»... Когда упомянутый физиологист открыл Сократу, кто он такой, назвав его вертепом всех дурных похотей, великий насмешник проронил еще одно слово, дающее ключ к нему. «Это правда, – сказал он, – но я стал господином над всеми». *Как* сделался Сократ господином над *собой!* – Его случай был, в сущности, лишь крайним случаем, лишь самым бросающимся в глаза из того, что тогда начинало делаться всеобщим бедствием: что никто уже не был господином над собою, что инстинкты обратились друг *против* друга. Он очаровывал, как этот крайний случай, – его возбуждающее ужас безобразие говорило о нем каждому глазу: он очаровывал, само собою разумеется, еще сильнее как ответ, как решение, как кажущееся *врачевание* этого случая. —

10

Если потребно сделать *из разума* тирана, как это сделал Сократ, то не мала должна быть опасность, что нечто иное делается тираном. В разумности тогда угадали *спасительницу*; ни Сократ, ни его «больные» не были вольны быть разумными – это было *de rigueur*¹⁵, это было *их последнее* средство. Фанатизм, с которым все греческие помыслы набрасываются на разумность, выдает бедственное положение: находились в опасности, был только *один* выбор: или погибнуть, или – быть *абсурдно-разумными*... Морализм греческих философов, начиная с Платона, обусловлен патологически; равным образом и их оценка диалектики. Разум = добродетели = счастью – это значит просто: надо подражать Сократу и возжечь против темных вожделиний *неугасимый свет* — свет разума. Надо быть благоразумным, ясным, светлым во что бы то ни стало: каждая уступка инстинктам, бессознательному ведет *вниз*...

¹⁴ публичное состязание (*гр.*).

¹⁵ необходимо (*фр.*).

11

Я дал понять, чем очаровывал Сократ: он казался врачом, спасителем. Нужно ли еще указывать на заблуждение, заключавшееся в его вере в «разумность во что бы то ни стало»? – Это самообман со стороны философов и моралистов, будто они уже тем выходят из *décadence*, что объявляют ему войну. Выйти из него – выше их сил: то, что они выбирают как средство, как спасение, само опять-таки является выражением *décadence* – они *изменяют* его выражение, они не устраняют его самого. Сократ был недоразумением; *вся исправительная мораль, также и христианская, была недоразумением...* Самый яркий свет разумности во что бы то ни стало, жизнь светлая, холодная, осторожная, сознательная, без инстинкта, сопротивляющаяся инстинктам, была сама лишь болезнью, иной болезнью – а вовсе не возвращением к «добродетели», к «здоровью», к счастью... Быть *вынужденным* побеждать инстинкты – это формула для *décadence*: пока жизнь *восходит*, счастье равно инстинкту. —

12

– Понял ли он это сам, этот умнейший из всех перехитривших самих себя? Не сказал ли он это себе под *конец мудростью* своего мужества перед смертью?.. Сократ *хотел* умереть: не Афины, *он* дал себе чашу с ядом, он вынудил Афины дать ему ее... «Сократ не врач, – тихо сказал он себе, – одна смерть здесь врач... Сократ сам был только долго болен...»

«Разум» в философии

1

Вы спрашиваете меня, что же является идиосинক্রазией у философов?.. Например, отсутствие у них исторического чувства, их ненависть к самому представлению становления, их египтизм. Они воображают, что делают *честь* какой-нибудь вещи, если деисторизируют ее, *sub specie aeterni*, – если делают из нее мумию. Все, что философы в течение тысячелетий пускали в ход, были мумии понятий; ничто действительное не вышло живым из их рук. Они убивают, они бальзамируют, эти господа-идолопоклонники понятий, когда поклоняются, – они становятся опасными для жизни всего, когда поклоняются. Смерть, изменение, старость, так же как зарождение и рост, являются для них возражениями – даже опровержениями. Что есть, то не *становится*; что становится, то не *есть*... И вот все они, даже с каким-то отчаянием, верят в сущее. Но так как они не могут его ухватить, то ищут причин, почему им не дают его. «Должна быть иллюзия, обман в том, что мы не воспринимаем сущего: где же скрывается обманщик?» – «Мы нашли его, – кричат они радостно, – это чувственность! Эти чувства, которые и вообще-то так безнравственны, обманывают нас относительно истинного мира. Мораль: освободиться от обмана чувств, от становления, от истории, от лжи, – история есть не что иное, как вера в чувства, вера в ложь. Мораль: отрицать все, что верит чувствам, все остальное человечество – все это «толпа». Быть философом, быть мумией, изображать монотонотеизм мимикой могильщиков! – И прежде всего прочь *тело*, эту достойную сожаления *idée fixe* чувств! одержимое всеми ошибками логики, какие только есть, опровергнутое, даже невозможное, хотя оно достаточно нагло для того, чтобы изображать из себя нечто действительное!..»

2

Я с глубоким почтением исключаю имя *Гераклита*. Если прочая философская публика отвергала свидетельство чувств, потому что последние говорили о множественности и изменении, то он отвергал их свидетельство, потому что они показывали, будто вещи обладают постоянством и единством. Гераклит также был несправедлив к чувствам. Они не лгут ни так, как полагали элеаты, ни так, как полагал он, – они вообще не лгут. Впервые то, что мы *делаем* из их свидетельства, влагает в них ложь, например ложь единства, ложь вещности, субстанции, постоянства... «Разум» является причиной того, что мы искажаем свидетельство чувств. Поскольку чувства говорят о становлении, об исчезновении, о перемене, они не лгут... Но Гераклит останется вечно правым в том, что бытие есть пустая фикция. «Кажущийся» мир есть единственный: «истинный мир» только *прилган к нему*...

3

– И какие тонкие орудия наблюдения имеем мы в наших чувствах! Этот нос, например, о котором еще ни один философ не говорил с уважением и благодарностью, является между тем даже самым деликатным инструментом из находящихся в нашем распоряжении: он может еще констатировать минимальные разности движения, которых не констатирует даже спектроскоп. Мы владеем нынче наукой ровно постольку, поскольку мы решились *принимать* свидетельство чувств, – поскольку мы научились еще изошрять их, вооружать, продумывать до конца. Остальное – недоноски и еще-не-наука: имею в виду метафизику, теологию, психологию, тео-

рию познания. Или формальную науку, учение о знаках: как логика и та прикладная логика, математика. В них действительности нет и в помине, даже как проблемы; так же как и вопроса, какую ценность имеет вообще такая конвенция о знаках, как логика. —

4

Другая идиосинкразия философов не менее опасна: она состоит в смешивании последнего и первого. Они ставят в начале *как* таковом то, что появляется в конце, – жаль! ибо оно не должно бы появиться вовсе! – «высшие понятия», т. е. самые общие, самые пустопорожние понятия, последний дым испаряющейся реальности. Это опять-таки только выражение их манеры поклоняться: высшее не *должно* произрастать из низшего, не *должно* вообще произрастать... Мораль: все, что первого ранга, должно быть *causa sui*. Происхождение из чего-нибудь другого считается возражением, усомнением в ценности. Все высшие ценности суть первого ранга, все высшие понятия: сущее, безусловное, доброе, истинное, совершенное – все это не может произойти, следовательно, *должно* быть *causa sui*. Но все это не может быть также неравным одно другому, не может быть в противоречии с собою... Вот у них и готово их необычное понятие «Бог»... Последнее, самое разреженное, самое пустое предполагается как первое, как причина сама по себе, как *ens realissimum*¹⁶... Чтобы человечество вынуждено было серьезно относиться к мозговым страданиям больных пауков-ткачей! – И оно дорого заплатило за это!..

5

– Противопоставим же наконец этому, насколько иначе смотрим *мы* (– я говорю из учтивости *мы*...) на проблему заблуждения и кажимости. Некогда считали изменение, смену, становление вообще доказательством кажимости, признаком того, что тут должно быть нечто вводящее нас в заблуждение. Нынче, напротив, мы видим ровно настолько, насколько предрасудок разума принуждает нас применять единство, идентичность, постоянство, субстанцию, причину, вещьность, бытие, некоторым образом впутывает нас в заблуждение, *приневоливает* к заблуждению; как ни уверены мы на основании строгой проверки счета в том, что тут заблуждение. Дело с этим обстоит так же, как с движением солнца: там заблуждение имеет постоянным адвокатом наш глаз, здесь – наш язык. Язык, по его возникновению, относится ко времени рудиментарнейшей формы психологии: мы впадаем в грубый фетишизм, если вводим в наше сознание основные предположения метафизики языка, по-немецки – *разума*. Оно видит всюду делателя и делание: оно верит в волю как причину вообще; оно верит в «Я», в Я как бытие, в Я как субстанцию и *проецирует* веру в субстанцию – Я на все вещи – оно *создаст* впервые этим понятие «вещь»... Бытие вмысливается, *подсовывается* всюду; из концепции «Я» вытекает впервые, как производное, понятие «бытия»... В начале стоит великое роковое заблуждение, что воля есть нечто *действующее* — что воля есть *способность*... Нынче мы знаем, что она – только слово... Гораздо позже среди в тысячу раз более просвещенного мира в сознание философов неожиданно проникла *уверенность*, субъективная *достоверность* в применении категорий разума: они пришли к заключению, что последние не могут вытекать из эмпирии – ведь вся эмпирия находится в противоречии с ними. *Откуда же вытекают они!* – И в Индии, как и в Греции, сделали одинаковый промах: «мы должны были уже некогда жить в высшем мире (– вместо того, чтобы сказать – *гораздо более низшем*: что было бы истиной!), мы должны были быть божественными, *ибо* мы имеем разум»!.. В самом деле, ничто до сих пор не имело более наивной силы убеждения, нежели заблуждение о бытии, как оно сформулировано, например,

¹⁶ всереальнейшее существо (*лат.*).

элеатами: ведь за него говорит каждое слово, каждое изрекаемое нами предложение! – Также и противники элеатов подчинялись обольщению их понятием бытия: в числе других и Демокрит, когда он измыслил свой *атом*... «Разум» в языке – о, что это за старый обманщик! Я боюсь, что мы не освободимся от Бога, потому что еще верим в грамматику...

6

Мне будут благодарны, если я выражу кратко столь существенное, столь новое уразумение в четырех тезисах: этим я облегчаю понимание, этим я вызываю возражение.

Первое положение. Основания, в силу которых «этот» мир получил название кажущегося, доказывают скорее его реальность, – *иной* вид реальности абсолютно недоказуем.

Второе положение. Признаки, которыми наделили «истинное бытие» вещей, суть признаки не-бытия, признаки, указывающие на *ничто*: «истинный мир» построили из противоречия действительному миру – вот в самом деле кажущийся мир, поскольку он является *лишь морально-оптическим* обманом.

Третье положение. Бредить об «ином» мире, чем этот, не имеет никакого смысла, предполагая, что мы не обуреваемы инстинктом оклеветания, унижения, опорочения жизни: в последнем случае мы *мстим* жизни фантазмагорией «иной», «лучшей» жизни.

Четвертое положение. Делить мир на «истинный» и «кажущийся», все равно, в духе ли христианства или в духе Канта (в конце концов *коварного* христианина —), – это лишь внушение *décadence* – симптом *нисходящей* жизни... Что художник ценит кажимость выше реальности, это не возражение против данного положения. Ибо «кажимость» означает здесь реальность *вдвойне*, только избранную, усиленную, корректированную... Трагический художник *вовсе не* пессимист, он говорит как раз *Да* всему загадочному и страшному, он проникнут дионисическим духом...

Как «Истинный мир» наконец стал басней история одного заблуждения

1. Истинный мир, достижимый для мудреца, для благочестивого, для добродетельного, – он живет в нем, *он есть этот мир*.

(Старейшая форма идеи, относительно умная, простая, убедительная. Перифраза положения: «я, Платон, *есмь истина*».)

2. Истинный мир, недостижимый нынче, но обетованный для мудреца, для благочестивого, для добродетельного («для грешника, который кается»).

(Прогресс идеи: она становится тоньше, запутаннее, недостижимее, – *она становится женщиной*, она становится христианской...)

3. Истинный мир, недостижимый, недоказуемый, не могущий быть обетованным, но уже, как мыслимый, утешение, долг, императив.

(Старое солнце, в сущности, но светящее сквозь туман и скепсис: идея, ставшая возвышенной, бледной, северной, кёнигсбергской.)

4. Истинный мир – недостижимый? Во всяком случае, недостигнутый. И как недостигнутый, также *неведомый*. Следовательно, также не утешающий, не спасающий, не обязывающий: к чему может обязывать нас нечто неведомое?..

(Серое утро. Первое позевывание разума. Петуший крик позитивизма.)

5. «Истинный мир» – идея, ни к чему больше не нужная даже более не обязывающая, – ставшая бесполезной, ставшая лишней идея, *следовательно*, опровергнутая идея – упраздним ее!

(Светлый день; завтрак; возвращение *bon sens*¹⁷ и веселости; краска стыда Платона; дьявольский шум всех свободных умов.)

6. Мы упразднили истинный мир – какой же мир остался? быть может, кажущийся?.. Но нет! *вместе с истинным миром мы упразднили также и кажущийся!*

(Полдень; мгновение самой короткой тени; конец самого долгого заблуждения; кульминационный пункт человечества; INCIPIT ZARATHUSTRA¹⁸.)

¹⁷ здравый смысл (*фр.*).

¹⁸ начинается Заратустра (*лат.*).

Мораль как противоестественность

1

У всех страстей бывает пора, когда они являются только роковыми, когда они с тяжело-весностью глупости влекут свою жертву вниз, – и более поздняя, гораздо более поздняя пора, когда они соединяются брачными узами с духом, когда они «одухотворяются». Некогда из-за глупости, заключающейся в страсти, объявляли войну самой страсти: давали клятву уничтожить ее, – все старые чудовища морали сходятся в том, что «il faut tuer les passions»¹⁹. Самая знаменитая формула на этот счет находится в Новом Завете, в той Нагорной проповеди, где, кстати сказать, вещи рассматриваются отнюдь не с *высоты*. Там, например, говорится в применении к половому чувству: «если око твое соблазняет тебя, вырви его»²⁰ – к счастью, ни один христианин не поступает по этому предписанию. *Уничтожать* страсти и вождения только для того, чтобы предотвратить их глупость и неприятные последствия этой глупости, кажется нам нынче, в свою очередь, только острой формой глупости. Мы уже не удивляемся зубным врачам, которые *вырывают* зубы, чтобы они больше не болели... С другой стороны, нельзя не признать с некоторой справедливостью, что на той почве, из которой выросло христианство, вовсе не может иметь места концепция понятия «*одухотворение* страсти». Ведь, как известно, первая церковь боролась *против* «интеллигентных» на благо «нищих духом»; как же можно было ожидать от нее интеллигентной войны со страстью? – Церковь побеждает страсть вырезыванием во всех смыслах: ее практика, ее «лечение» есть *кастрация*. Она никогда не спрашивает: «как одухотворяют, делают прекрасным, обожествляют вождение?» – она во все времена полагала силу дисциплины в искоренении (чувственности, гордости, властолюбия, алчности, мстительности). – Но подрывать корень страстей значит подрывать корень жизни: практика церкви *враждебна жизни*...

2

То же самое средство: оскпление, искоренение – инстинктивно выбирается в борьбе с каким-нибудь вождением теми, которые слишком слабовольны, слишком выродились, чтобы быть в состоянии соблюдать в нем меру; теми натурами, которым нужна *la Tzarre*²¹, говоря иносказательно (и без иносказания —), какой-нибудь окончательный разрыв, *пропасть* между собою и страстью. Без радикальных средств не могут обойтись лишь дегенераты; слабость воли, говоря точнее, неспособность *не* реагировать на раздражение, есть, в свою очередь, только другая форма вырождения. Радикальная вражда, смертельная вражда к чувственности остается наводящим на размышление симптомом: он дает право на предположения относительно общего состояния до такой степени эксцессивного человека. – Впрочем, эта вражда, эта ненависть только тогда достигает своего апогея, когда такие натуры сами уже не имеют достаточной твердости для радикального лечения, для отречения от своего «дьявола». Просмотрите всю историю жрецов и философов, причисляя сюда и художников: самое ядовитое слово против чувств сказано *не* импотентами, также *не* аскетами, а невозможными аскетами, такими людьми, которым понадобилось бы быть аскетами...

¹⁹ надо убивать страсти (*фр.*).

²⁰ Матф. 5, 29.

²¹ Орден траппистов, основанный в 1140 г. во Франции и реформированный в 1662 г. аббатом де Рансе.

3

Одухотворение чувственности называется *любовью*: оно является великим торжеством над христианством. Другим торжеством является наше одухотворение *вражды*. Оно состоит в глубоком понимании ценности иметь врагов: словом, в том, что поступаешь и умозакрываешь обратно тому, как поступали и умозакрывали некогда. Церковь хотела во все времена уничтожения своих врагов – мы же, мы, имморалисты и антихристиане, видим нашу выгоду в том, чтобы церковь продолжала существовать... Также и в области политики вражда стала теперь одухотвореннее – гораздо благоразумнее, гораздо рассудительнее, гораздо *снисходительнее*. Почти каждая партия видит интерес своего самосохранения в том, чтобы противная партия не потеряла силы; то же самое можно сказать и о большой политике. В особенности новое создание, например новая империя, нуждается более во врагах, нежели в друзьях: только в контрасте чувствует она себя необходимой, только в контрасте *становится* она необходимой... Не иначе относимся мы и к «внутреннему врагу»: и тут мы одухотворили вражду, и тут мы постигли ее *ценность*. Являешься *плодовитым* лишь в силу того, что богат контрастами; остаешься *молодым* лишь при условии, что душа не ложится врасстяжку, не жаждет мира... Ничто не стало нам более чуждым, чем эта давняя желательность, желательность «мира души», *христианская* желательность; ничто не возбуждает в нас менее зависти, чем моральная корова и жирное счастье чистой совести. Отказываешься от *великой* жизни, если отказываешься от войны... Во многих случаях, конечно, «мир души» является просто недоразумением – кое-чем иным, что не умеет только называть себя честнее. Без лишних слов и предвзвешиваний приведу несколько случаев. «Мир души» может быть, например, мягким излучением богатой животности в область морального (или религиозного). Или началом усталости, первой тенью, которую бросает вечер, всякого рода вечер. Или признаком того, что воздух становится влажным, что приближаются южные ветры. Или бессознательной благодарностью за удачное пищеварение (порою называемой «человеколюбием»). Или успокоением выздоравливающего, для которого все вещи приобретают новый вкус и который ждет... Или состоянием, следующим за сильным удовлетворением нашей господствующей страсти, приятным чувством редкой сытости. Или старческой слабостью нашей воли, наших вожделиний, ваших пороков. Или ленью, которую тщеславие убедило вырядиться в моральном стиле. Или наступлением уверенности, даже страшной уверенности, после долгого напряжения и мучения вследствие неуверенности. Или выражением зрелости и мастерства в делании, созидании, воспроизведении, хотении, спокойным дыханием, *достигнутой* «свободой воли»... *Сумерки идолов*: кто знает? быть может, это тоже лишь известный вид «мира души»...

4

– Я формулирую один принцип. Всякий натурализм в морали, т. е. всякая *здоровая* мораль, подчиняется инстинкту жизни, – какая-нибудь заповедь жизни исполняется определенным канонам о «должен» и «не должен», какое-нибудь затруднение или враждебность на пути жизни устраняется этим. *Противоестественная* мораль, т. е. почти всякая мораль, которой до сих пор учили, которую читали и проповедовали, направлена, наоборот, как раз *против* инстинктов жизни – она является то тайным, то явным и дерзким *осуждением* этих инстинктов. Говоря, что «Бог читает в сердце»²², она говорит Нет низшим и высшим вожделиниям жизни и считает Бога *врагом жизни*... Святой, угодный Богу, есть идеальный кастрат... Жизнь кончается там, где *начинается* «Царствие Божие»...

²² Лук. 16,15.

5

Если предположить, что понята преступность такого восстания против жизни, которое стало почти священным в христианской морали, то вместе с этим, к счастью, понято также нечто другое: бесполезность, иллюзорность, абсурдность, *лживость* такого восстания. Осуждение жизни со стороны живущего остается в конце концов лишь симптомом известного вида жизни: вопрос о справедливости или несправедливости тут совершенно не ставится. Надо было бы занимать позицию *вне* жизни и, с другой стороны, знать ее так же хорошо, как один, как многие, как все, которые ее прожили, чтобы вообще сметь касаться проблем *ценности* жизни – достаточные основания для того, чтобы понять, что эта проблема для нас недоступна. Говоря о ценностях, мы говорим под влиянием инспирации, под влиянием оптики жизни: сама жизнь принуждает нас устанавливать ценности, сама жизнь ценит через нас, *когда* мы определяем ценности... Отсюда следует, что и та *противоестественная мораль*, которая понимает Бога как противопонятие и осуждение жизни, есть лишь оценка, производимая жизнью – *какой* жизнью? *каким* видом жизни? – Но я уже дал ответ на это: нисходящей, расслабленной, усталой, осужденной жизнью. Мораль, как ее понимали до сих пор – как напоследок ее формулировал еще и Шопенгауэр в качестве «отрицания воли к жизни», – есть сам *инстинкт décadence*, делающий из себя императив; она говорит: «*погибни!*» — она есть приговор осужденных...

6

Вникнем же наконец в то, какая наивность вообще говорить: «человек *должен бы* быть таким-то и таким-то!» Действительность показывает нам восхитительное богатство типов, роскошь расточительной игры и смены форм; а какой-нибудь несчастный поденщик-моралист говорит на это: «Нет! человек должен бы быть *иным*»?.. Он даже знает, *каким* он должен бы быть, этот лизоблюд и пустосвят, он малюет себя на стене и говорит при этом «ессе ното»!.. Но даже когда моралист обращается к отдельному человеку и говорит ему: «*Ты* должен бы быть таким-то и таким-то!» – он не перестает делать себя посмешищем. Индивид есть частица фатума во всех отношениях, лишний закон, лишняя необходимость для всего, что близится и что будет. Говорить ему: «изменись» – значит требовать, чтобы все изменилось, даже вспять... И действительно, были последовательные моралисты, они хотели видеть человека *иным*, именно добродетельным, они хотели видеть в нем свое подобие, именно пустосвята: для этого они *отрицали* мир! Не малое безумие! Вовсе не скромный вид нескромности!.. Мораль, поскольку она *осуждает*, сама по себе, а *не* из видов, соображений, целей жизни, есть специфическое заблуждение, к которому не должно питать никакого сострадания, *идиосинкразия дегенератов*, причинившая невыразимое количество вреда!.. Мы *иные* люди, мы, имморалисты, наоборот, раскрыли наше сердце всякому пониманию, постижению, *одобрению*. Мы отрицаем не легко, мы ищем нашей чести в том, чтобы *быть утверждающими*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.